

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

Ф. Ф. Рыбаков

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: МОДЕРНИЗАЦИЯ ИЛИ ДЕГРАДАЦИЯ?

На дворе 2007 год, и не за горами очередные выборы в Государственную думу, а затем и президентские. Избирательная кампания уже практически началась. Не стоит в стороне и Санкт-Петербург. В конце 2006 г. действующий губернатор В. И. Матвиенко получила полномочия на второй срок и тем самым подтвердилось, что экономическая политика последних лет будет продолжена. Каков же экономический облик города и изменилось ли что-нибудь за последние годы? Правильный ли выбран курс и как его реализует администрация города? Эти и другие вопросы задают горожане многочисленным аналитикам и комментаторам. Волнуют они и научную общественность, поскольку беспристрастный анализ и взвешенные рекомендации всегда значили больше, чем апологетическое восхваление или злобствующее охаивание. Однако представители науки нечасто реагируют на запросы подобного рода, поскольку больше заняты проблемами стратегического характера, разрабатывая различные прогнозы, концепции, доктрины и программы. Оценки же журналистов часто тенденциозны и непрофессиональны. Поэтому реальное положение дел для подавляющего большинства граждан остается тайной за семью печатями.

Экономика — динамически развивающаяся система. За период с 1990 по 2006 г. произошли большие перемены. Россия признана мировым сообществом как страна с рыночной экономикой, а Санкт-Петербург наряду с другими субъектами Российской Федерации — локомотивом рыночных преобразований. Город восстанавливает статус промышленного центра, инвестиционный климат по сравнению с иными регионами

Феликс Федорович РЫБАКОВ — д-р экон. наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и экономической политики СПбГУ. Заслуженный работник высшей школы РФ. Окончив экономический факультет (1969) и аспирантуру (1973), преподавал на факультете. После защиты докторской диссертации с 1986 по 1993 г. заведовал кафедрой политэкономии и был проректором по научной работе Института культуры. Читал лекции в Японии, Норвегии, Финляндии. В 1993 г. вернулся в Университет. Научные интересы — экономика социально-культурной сферы и экономическое реформирование России в XX в. Автор более 300 научных работ, в том числе 14 индивидуальных и 16 коллективных монографий. Ряд работ опубликован в США, Германии, Англии, Финляндии и Словакии.

© Ф. Ф. Рыбаков, 2007

наиболее благоприятен; за последние два года построено около двух десятков новых промышленных предприятий. Эти и другие факторы свидетельствуют о позитивных тенденциях развития экономики Петербурга. Главное, на наш взгляд, — это радикальное изменение отношения руководства города к промышленности, осознание ее роли в реализации социальных программ. Еще не так давно, по историческим меркам, на заре рыночной трансформации, ориентирами служили иные отрасли. Рыночный романтизм нанес колоссальный вред, реальная оценка которого происходит в наши дни. По мнению Дж. Стиглица, первые ошибки были допущены сразу же после начала трансформации в азарте построения рыночной экономики¹. Шоковая терапия, моментальная либерализация цен сразу же поставили перед реформаторами задачу обуздания инфляции. А это, в свою очередь, как признает Дж. Стиглиц, подразумевало ужесточение монетарной политики².

Все перечисленное справедливо на макроуровне, стратегия реформирования была действительно неэффективной. На мезоуровне имелась своя специфика. Для экономики Петербурга, перегруженной предприятиями оборонно-промышленного комплекса (ОПК), нижняя точка спада была больше, чем по России в целом. По нашим расчетам, объем промышленного производства города составил в 1998 г. лишь 31% от уровня 1990 г. В России объем промышленного производства в 1999 г. сократился по сравнению с 1990 г. почти на 60%. В наши дни не принято акцентировать внимание на таком явлении, как катастрофический спад производства, который превзошел даже период Великой Отечественной войны. Экономика с 2000 г. развивается по восходящей. Однако в контексте исследования проблемы, обозначенной в названии статьи, небезынтересно заметить, что некоторые отрасли промышленности для Санкт-Петербурга утеряны.

Столь масштабные потери и деградация экономики в течение всех 1990-х годов не прошли даром. И опять волнует вопрос: мы больше потеряли или приобрели? Разумеется, ответ на него несет целую гамму оттенков, включая и политические пристрастия. Но, если объективно опираясь на статистику, взглянуть на социально-экономические показатели, характеризующие уровень жизни, то картина получается противоречивая и неоднозначная. Так, например, покупательная способность среднестатистических доходов населения с 1991 по 2004 г. изменилась следующим образом: говядина (кг) — 84 и 106; молоко (литров) — 905 и 736; яйца (шт.) — 2450 и 3772; рыба мороженая (кг) — 597 и 147; масло животное (кг) — 64 и 96³. Потребление продуктов питания (кг в год) с 1990 по 2004 г. изменилось в несколько иной пропорции: мясо и мясопродукты — 62 и 50; молоко и молочные продукты — 454 и 295; яйца (шт.) — 282 и 311; овощи и бахчевые — 78 и 54⁴. Рост покупательной способности по некоторым позициям и сокращение потребления основных продуктов питания объясняются опережающим ростом цен и тарифов на услуги (коммунальные, ритуальные, транспортные и пр.). Стали ли горожане лучше жить? Вопрос очень неоднозначный. Элитное жилье и очень дорогие автомобили, казино и ночные клубы, баснословно роскошные коттеджи в пригородах — все это есть. Но существует и откровенная бедность, за чертой которой находится значительное число жителей города. До сих пор смертность почти в 2 раза превышает рождаемость: в 2005 г. на 1 тыс. жителей соответственно 16,0 и 8,6 человек⁵. С 1990 по 2004 г. численность лечившихся и отдыхающих в санаторно-курортных организациях сократилась в 5 раз (с 1627 тыс. до 322 тыс. человек)⁶.

Все перечисленное, а также множество других данных не позволяют дать однозначный ответ на поставленный вопрос. Определенная часть населения города существенно улучшила свой жизненный уровень, другие остались на преж-

нем, третьи — ухудшили свое положение. Однако многочисленные заявления администрации города, включая первых лиц, свидетельствуют об ориентации на улучшение жизненного уровня жителей города. Этому же подчинены и программные документы.

Экономика — основа роста благосостояния. Именно состояние и динамика экономики города позволяют определять текущие и перспективные задачи по повышению жизненного уровня. За последние семь лет петербургская экономика развивается довольно высокими темпами, хотя и неравномерно. Взлеты сопровождаются падениями. Так, с 2000 по 2005 г. индексы промышленного производства (в % к предыдущему году) составляли 127; 101; 131; 107; 113 и 104; валового регионального продукта (ВРП) с 2000 по 2003 г. — соответственно 110,5; 104,5; 117,7; 198,4⁷. Амплитуда в темпах весьма существенная. Устойчивого развития экономика пока не достигла, но положительная динамика налицо.

Последние полтора десятилетия со страниц научных и публицистических изданий не сходят рассуждения о модернизации как особой форме развития. В самом общем виде модернизация (от франц. *moderne*) означает процесс изменений в соответствии с современными требованиями. Модернизация имеет место в технике и технологии. В экономике чаще употребляют термин «реформирование», хотя сами реформы некоторые авторы считают лишь элементами модернизационного процесса⁸. Если руководствоваться логикой теории всемирного благоденствия, то модернизация знаменует собой переход экономики в новое качество. Последнее опирается на экономику знаний (новую экономику), а также радикальные изменения в технологии. Модернизация, таким образом, не может иметь старую материально-техническую базу, она предполагает принципиальное ее обновление. Но лишь к этому модернизация не сводится. Трансформируются все стороны общественной жизни. Экономика — важнейшая, но не единственная составляющая общественных отношений. Но в контексте нашей задачи остановимся лишь на изменениях в экономической сфере Санкт-Петербурга. Главные из них — институциональные и структурные перемены.

Экономика стала принципиально иной с точки зрения многообразия форм собственности. Ликвидирована монополия государственной собственности. На первый взгляд ничего архиважного в этом нет, поскольку многообразие форм собственности — обязательное условие эффективного функционирования рыночной экономики. Но если вспомнить не столь далекие времена, когда в 1959 г. были ликвидированы артели потребительской кооперации, и в промышленности города монополично восторжествовала государственная собственность со всеми ее недостатками, то становится ясно, насколько данный шаг важен.

В 2004 г. 87,3% организаций всех отраслей экономики представляли частную форму собственности, а государственную и муниципальную — лишь 2,7%⁹. По объемам производства картина, разумеется, иная: в промышленности города 38,7% дают предприятия частной формы собственности и 41,3% прочие. На долю государственной формы собственности приходится лишь 9,0% объемов промышленной продукции¹⁰. Но правильно ли это? Не допущен ли здесь просчет? Дело в том, что негативный опыт трансформации собственности у нас имеется. Уже к 1928 г. более 2/3 промышленной продукции приходилось на долю государственной формы собственности¹¹. А это, как известно, годы нэпа, когда многообразие форм собственности проявлялось наиболее ярко за весь советский период. Фетишизация частной собственности — постоянный спутник 1990-х — начала 2000-х годов. Маниакальное стремление приватизировать все и вся, полностью

устранить государство из экономики — концептуальная основа курса Правительства России. Речь уже зашла о приватизации имущества и недвижимости Академии наук, образовательных учреждений, культуры.

Крайности, как учит история, никогда не приводили к положительным результатам. Это в полной мере относится и не к столь далеким временам, когда воспевалась лишь государственная собственность, а все остальное считалось непрогрессивным и консервативным. Идеологический «навес» над собственностью так и не удалось полностью разрушить. Даже в наши дни, несмотря на зарубежный опыт, рыночной признается любая форма собственности, кроме государственной. И сведение ее доли к минимуму, а у некоторых радикалов — полная ликвидация, объявляется единственно верным курсом. Между тем государственная собственность успешно функционирует, а ее удельный вес колеблется в различных странах от 5–7% (Швейцария, Англия) до 40% (Франция).

Структурные изменения коснулись всей экономики, и прежде всего промышленности. С одной стороны, ее вклад в создание ВРП достаточно внушителен. По опубликованным данным, доля промышленности Санкт-Петербурга в создании ВРП с 1999 по 2003 г. сократилась с 29,0 до 24,8%¹². Но это объяснимо, так как опережающими темпами растет вклад других отраслей и видов деятельности (прежде всего, услуг). Время безраздельного господства и лидерства промышленности осталось в XIX–XX вв. С другой стороны, в самой промышленности за последние полтора десятилетия произошли огромные перемены. Так, по данным Комитета экономического развития, промышленной политики и торговли (КЭРППиТ), за 11 месяцев 2006 г. структура отгруженных товаров обрабатывающих производств Петербурга имела следующий вид: продукты, напитки и табак — 36,8%; машиностроение — 28,1% (электрооборудование и оптика — 13,5%; транспорт и спецтехника — 8,1%; машины и оборудование — 6,5%); металлы и изделия из них — 10,3%; прочие — 23,0%¹³; в 2005 г. — соответственно 32,4; 34,4; 10,0; 21,2%¹⁴. Таким образом, в 2006 г. наблюдается значительный спад в машиностроении.

За годы реформ город существенно сократил объемы производства в радиоэлектронике, судостроении, станкостроении, легкой промышленности. Хотя здесь и расположены крупнейшие верфи России, положение в судостроительной промышленности нельзя назвать благополучным. За последние 10 лет по заказам российских судовладельцев на зарубежных верфях построено 94,4% общего тоннажа и лишь 5,6% на отечественных заводах (главным образом ОАО «Совкомфлот»)¹⁵. Мощности судпрома загружены на 17–25%. Поэтому спуск на воду очередных корветов и малых артиллерийских кораблей для Каспия вовсе не означает возрождение отечественной, а значит, и питерской судостроительной промышленности. Отрасль находится в трудном положении. До сих пор судовладельцам выгоднее строить суда за рубежом, включая Украину и Хорватию.

Гражданское судостроение долгие годы считалось делом второстепенным. Петербургские судостроительные заводы имели четкую специализацию: Балтийский — крейсера; Адмиралтейский — подводные лодки; Северная верфь (бывший завод им. Жданова) — эсминцы и противолодочные корабли; Средне-Невский завод — тральщики; «Алмаз» — десантные и пограничные корабли. Строились также танкеры, рефрижераторы, контейнеровозы и ледоколы. Но главное — это военное судостроение. В условиях рыночной экономики, когда госзаказ существенно сократился, строительство гражданских судов в силу целого ряда причин не смогло полностью заполнить нишу, возникшую из-за прекращения создания военных кораблей. И лишь в последние годы наметился робкий позитивный сдвиг. Однако отечественных заказов на строительство морских судов очень мало. В то же время за рубежом российские судоходные компании

ежегодно размещают заказы на сумму около 1 млрд долл.¹⁶ Это свидетельствует о низкой конкурентоспособности отечественного судостроения на мировых рынках.

Санкт-Петербург практически лишился станкостроения. Если в 1990 г. было произведено 3128 металлорежущих станков, то в 2004 — 66; 2005 — 46¹⁷. Знаменитое предприятие — завод «Свердлов» практически прекратило свое существование. Он не смог погасить кредиты и был вынужден передать Банку «Санкт-Петербург» свой имущественный комплекс. По последним данным, Кировский завод приобрел торговую марку «Свердлов»¹⁸. И в целом по России производство металлорежущих станков неуклонно сокращается (1995 г. — 18 033 ед.; 2004 — 5414 ед.). Лишь в Кировской области за указанный период наблюдается рост с 334 до 702 ед.¹⁹ В Петербурге производство кузнечно-прессовых машин с 2000 г. вообще прекратилось, хотя еще в 1965 г. их было изготовлено свыше 4000 ед.

Станкостроение — ключевая отрасль промышленности, фундамент машиностроения. Поэтому возрождение станкостроения не менее важная задача, чем реализация национальных проектов. Петербург же имеет многолетние традиции и безупречную репутацию как производитель станков с ЧПУ, обрабатывающих центров и других. В связи с этим начавшаяся интеграция в станкостроении и возрождение выпуска станков на Кировском заводе могут расцениваться позитивно.

Долгие годы город являлся центром отечественной радиоэлектроники и приборостроения. В советский период радиоэлектроника входила в «девятку» военно-промышленного комплекса, поэтому какая-либо статистика отсутствует. В Ленинграде–Петербурге, по данным на 2000 г., было расположено 100 организаций данного профиля, включая 46 НИИ и ПКТО, а также 54 завода²⁰. Однако в данный момент некоторые из них прекратили свое существование как действующие. Например, завод «Россия», известный в свое время как производитель радиолокационных систем управления полетами, «Радиоприбор», «Новатор», «Ленинец» — три завода, вошедшие в свое время в Центральное научно-производственное объединение (ЦНПО), а затем в холдинг «Ленинец», в несколько раз сократили объемы производства.

Между тем еще в 1958–1965 гг. темпы роста радиопрома превышали все отрасли машиноприборостроения в Ленинграде²¹. По опубликованным данным, в 2004 г. на долю радиоэлектроники в общем объеме продукции ОПК приходилось 10%. Учитывая, что сам ОПК производил 15% промышленной продукции города, нетрудно заметить, что собственно радиоэлектроника составляет лишь 1,5% промышленной продукции города²². Это примерно столько же, сколько составил объем отгруженной продукции текстильного и швейного производства Санкт-Петербурга в 2005 г.²³ Разумеется, подобное положение не отвечает современному состоянию развития экономики. XXI век без электроники немислим. Мы же форсированно развиваем сборочные автозаводы, что вряд ли в длительной перспективе рационально. Петербург уже в третий раз делает попытку создания автомобильной промышленности. Сначала на «Старом Леснере» в 1904–1909 гг. было выпущено 13 разновидностей автомобилей, но затем их производство было размещено в Риге («Руссо-Балт»). В 1920–1930-е годы на Кировском заводе производили легковые автомобили «Л-1». И вот мы уже готовы предоставить площадки для «Мицубиси» (четвертая иностранная фирма). А как быть с тихо умирающей электроникой и приборостроением? Все это наводит на определенные размышления.

Санкт-Петербург — центр отечественного энергомашиностроения. И его потенциал сохранен, что вселяет надежды. Перед отраслью стоят грандиозные задачи прежде всего по обновлению энергоагрегатов на отечественных генерирующих станциях. Пока

же можно говорить лишь о выходе из кризиса отрасли энергомашиностроения. Статистика свидетельствует, что с 1990 по 2005 г. производство паровых турбин сократилось по мощности с 7793 тыс. кВт до 1922 тыс. кВт. Однако положительная динамика наблюдается с 2003 г. По гидравлическим турбинам картина иная: 1990 г. — 347 тыс. кВт; 2005 — 1435,0 тыс. кВт. Однако в 2002 г. их производство составляло лишь 31 тыс. кВт²⁴. ОАО «Невский завод», ОАО «Силовые машины», включающее ОАО «Электросила», ОАО «Ленинградский машиностроительный завод», ОАО «Завод турбинных лопаток» — главные участники процесса модернизации отечественных электростанций, а также строительства новых в Китае, Бразилии и других странах. Государство через контролируемые им корпорации (РАО «ЕЭС России», ОАО «Газпром») взяло под контроль энергомашиностроительные концерны²⁵.

Таким образом, говорить о радикальной модернизации промышленности Санкт-Петербурга оснований пока нет. Однако последние три года вселяют определенные надежды. Так, динамика инвестиций в основной капитал свидетельствует, что с 2000 по 2005 г. их объем увеличился с 76,0 млрд руб. до 154,0 млрд руб. (203%), т. е. среднегодовые темпы прироста составляли 15,2%²⁶. Однако уровень 2004 г. был равен лишь 89,8% от предыдущего. Это еще раз свидетельствует об отсутствии устойчивого развития. То же самое происходит и с иностранными инвестициями: 2001 г. — 1171,3 млн долл.; 2002 — 881,0; 2003 — 695,8; 2004 — 985,1; 2005 г. — 1417,1 млн долл. Причем в структуре иностранных инвестиций 81% приходится на так называемые прочие (37,0% торговые кредиты и 44,0% прочие кредиты)²⁷.

По данным еженедельника «Экономика и время», за последние два года в Санкт-Петербурге было построено 18 предприятий, из них — «Ижорский трубный завод», «Элкотек», «Русский стандарт». На очереди автомобильные компании, начавшие строить свои предприятия («Тойота», «Дженерал Моторс», «Ниссан») ²⁸. Однако если взглянуть на распределение иностранных инвестиций по видам экономической деятельности, то нетрудно заметить, что в производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования в 2003 г. было направлено 0,5%; 2004 — 1,4; 2005 — 2,8%; производство транспортных средств и оборудования — соответственно 0,2; 1,6 и 3,3%; производство пищевых продуктов, включая напитки и табак, — 45,1; 22,6 и 22,5%. В целом обрабатывающие производства в указанные годы получали 82,0; 76,2 и 67,3% инвестиций²⁹. Интересы зарубежных инвесторов перемещаются в другие сферы, прежде всего в операции с недвижимостью, — 1,4; 2,8 и 8,2% (рост за три года в 4 раза). В 2006 г. тенденция сохранилась. По данным Петростата, в январе–сентябре 2006 г. на операции с недвижимостью в Санкт-Петербурге приходилось 17% инвестиций в основной капитал³⁰. Обрабатывающие производства получили 22,9% инвестиций в основной капитал, транспорт и связь — 35,0%.

По данным еженедельника «Экономика и время», среди российских инвесторов, вкладывающих средства в развитие промышленности Санкт-Петербурга, лидирует «Северсталь». С этим холдингом подписан меморандум на 0,5 млрд долл. (финансирование строительства завода по производству листового проката)³¹. К сожалению, нет инвестиционных проектов, ориентированных на возрождение предприятий радиоэлектронного профиля. Иностранный инвестор в данную отрасль не идет, а у Министерства обороны России средств пока не хватает. Между тем этот блок экономики Петербурга, учитывая наработки недалекого прошлого и десятки научно-технических организаций (НИИ Телевидения; НПО «Электрон»; НПО «Феррит»; НПО «Авангард» и др.), далеко не исчерпал свои возможности.

Все вышеизложенное свидетельствует о том, что модернизация осуществляется несколько односторонне. В городе развиваются предприятия пищевой промышленности, металлургии, складские терминалы, упаковочные производства, логистические центры. Наукоёмкий блок пока не в орбите интересов крупных инвесторов. Бюджет города за последние годы не только удвоен, но и утроен. Однако топтание на месте наукоёмкого блока не преодолено. Те отдельные фрагменты развития, о которых пишет городская пресса, погоды пока не делают. Набирают обороты отрасли, не входящие в состав наукоёмкого блока. Промышленность Санкт-Петербурга, таким образом, одновременно находится в состоянии рыночной модернизации и технического застоя. По сути дела, мы до сих пор используем научно-технический задел прошлого. Ветшает станочный парк, а на ряде предприятий он просто не отвечает современным требованиям. Инвестиции преимущественно идут туда, где быстрая отдача. Имея золотовалютные резервы в размере 300 млрд долл. и огромный стабилизационный фонд, пора избавляться от психологии накопительства и стерилизации, а направлять эти средства прежде всего на модернизацию высокотехнологичного и наукоёмкого блока экономики. Иначе мы окажемся на обочине новой экономики.

Необходимо возродить прикладную науку. Ее востребованность — свидетельство поступательного развития экономики. Создание технопарков, внедренческих зон и других подобных структур пока не дает ощутимых результатов. Россия увлеклась строительством пивоваренных заводов и табачных фабрик. С 1995 по 2006 г. производство сигарет возросло в 3,8 раза, в то время как в Великобритании оно сократилось почти на 40%, в США — на 1/3.³² Производство пива с 1995 по 2003 г. в России увеличилось в 3,5 раза. Таких темпов не знает ни одна страна.

Таким образом, в настоящее время нужна четкая и внятная программа развития инновационного сектора экономики в виде национального проекта.

¹ *Стиглиц Дж.* Кто потерял Россию? // Эковест. 2004. Вып. 4. № 1. С. 12–13.

² Там же. С. 13.

³ Санкт-Петербург в 2004 году: Официальное издание. СПб., 2005. С. 60.

⁴ Там же. С. 61.

⁵ Санкт-Петербург-2005: Краткий стат. сб. СПб., 2006. С. 11.

⁶ Санкт-Петербург в 2004 году. С. 133.

⁷ Там же. С. 15; Санкт-Петербург-2005. С. 9.

⁸ *Новиков А. В.* Национальный экономический менталитет в контексте российских реформ. СПб., 2006. С. 40.

⁹ Санкт-Петербург в 2004 году. 2005. С. 144.

¹⁰ Там же. С. 154.

¹¹ Собственность в экономической системе: история и современность: Сб. науч. работ. СПб., 2005. С. 141.

¹² Северо-Западному федеральному округу – 5 лет. Анализ. Тенденции. Перспективы. СПб., 2005. С. 76–79.

¹³ Экономика и время. 2007. № 1. С. 5.

¹⁴ Санкт-Петербург-2005. С. 65.

¹⁵ Конкуренция и рынок. 2006. № 4. С. 90.

¹⁶ Там же. С. 92.

¹⁷ Санкт-Петербург-2005. С. 67.

¹⁸ Экономика и время. 2007. № 1. С. 5.

¹⁹ Промышленность России. 2005: Стат. сб. М., 2006. С. 214–215.

²⁰ *Ходачек А. М.* Управление экономикой в крупном городе: вопросы теории и практики государственного регулирования. СПб., 2000. С. 111.

²¹ *Лавриков Ю. А., Мазалов Е. В.* Ленинградская промышленность и ее резервы. Л., 1960. С. 18.

²² Экономика и время. 2005. № 7. С. 6.

²³ Санкт-Петербург-2005. С. 65.

²⁴ Санкт-Петербург в 2004 году. С. 159; Санкт-Петербург-2005. С. 67.

²⁵ Экономика и время. 2006. № 48. С. 6.

²⁶ Рассчитано по: Санкт-Петербург в 2004 году. С. 233; Санкт-Петербург-2005. С. 87.

²⁷ Там же. С. 226, 89.

²⁸ Экономика и время. 2006. № 44. С. 5.

²⁹ Санкт-Петербург-2005. С. 90.

³⁰ Экономика и время. 2006. № 47. С. 7.

³¹ Там же. № 44. С. 5.

³² Россия и страны мира. 2006. М., 2006. С. 173.

Статья поступила в редакцию 20 июня 2007 г.